

Н. Р. Шахназарян, Д. С. Ермолин

**СОСЕДСТВО И ИСТОРИИ СПАСЕНИЯ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
КАРАБАХСКИЙ И КОСОВСКИЙ КОНФЛИКТЫ**

АННОТАЦИЯ. Исследование относится к области изучения антропологии соседства и повседневности и посвящается ретроспективному анализу многосложных траекторий соседских отношений в одной из бывших советских республик СССР (Азербайджан) и автономного края в составе бывшей СФРЮ (Косово). Авторы рассматривают такие социальные феномены, как классовые ритор-формы, репрезентации признания и непризнания, дружбы и ненависти в соседских отношениях в условиях этнических чисток и погромов, поведение и мотивации агентов спасения. Описания беспрецедентного насилия чаще всего относятся к категории труднопроговариваемых травматических нарративов, связанных с «конфликтной», проблемной индивидуальной памятью. Однако свидетельства очевидцев показывают, что имели место и акты гуманности, чаще всего со стороны соседей, которые выбрали трудный и опасный путь сопротивления злой воле разъяренной толпы. В процессе исследования социального и политического контекста, в котором азербайджанцы и албанцы спасали соответственно армян и сербов от опасности, нам удалось выделить множество факторов и акторов социальной игры. Важнейшими факторами являются культурные смыслы таких понятий, как соседство, городские ландшафты, провинциальность, соревнование за доступы к социальным благам, культура новых горожан. Эти концепты, обретшие формы институционализированных практик, по мере нарастания «эмоционального градуса» погромных настроений и насилия играли все более важную роль как в карабахском, так и в косовском конфликтах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Азербайджан, СССР, Косово, Югославия, этнический конфликт, соседство, спасение

УДК 323.1

DOI 10.31250/2618-8600-2019-2(4)-68-99

ШАХНАЗАРЯН Нона Робертовна — к.и.н., с.н.с., Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Армении (Армения, Ереван); н.с., Центр независимых социологических исследований (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: nonashahnazar@gmail.com

ЕРМОЛИН Денис Сергеевич — к.и.н., ученый секретарь, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: denis.ermolin@gmail.com

Как соседи ведут себя во время геноцидов, этнических чисток и других человеконенавистнических практик? Почему они выбирают участие в геноцидальном процессе? На этот вопрос аргументированно ответила в свое время блистательная Ханна Арендт: потому что зло банально по своей сути, оно обыденно и приказам репрессивной системы слепо следуют люди, не берущие на себя труд думать (Арендт 2008: 126). Однако возникают в связи с этим и другие вопросы. Почему иные люди противостоят геноцидальным проявлениям и помогают преследуемым? Какие практики спасения соседей имели место в таких случаях и что можно называть актом спасения? Устные свидетельства, собранные по следам погромов, показывают всю сложность и многообразные проявления рассматриваемого феномена.

Настоящее исследование относится к области изучения антропологии соседства и повседневности и посвящается ретроспективному анализу многосложных траекторий соседских отношений в одной из бывших советских республик СССР (Азербайджан) и автономного края в составе бывшей СФРЮ (Косово¹). В работе авторы рассматривают такие социальные феномены как классовые ритор-формы, репрезентации признания и непризнания, дружбы и ненависти в соседских отношениях в условиях этнических чисток и погромов, поведение и мотивации агентов спасения.

МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ЗАЯВЛЕНИЕ О НАМЕРЕНИЯХ

Интерпретации *соседства и спасения* в антропологическом анализе. В некоторой мере мистифицированная категория соседских отношений переливается палитрой красок, эмоций и смыслов, что требует специальной оптики как для исследования конкретных случаев, так и для анализа данной категории в целом. Соседские отношения настолько мифологизированы неслучайно. Они имеют дело с человеческой повседневностью, жизнью здесь и сейчас, отношениями лицом к лицу. Неслучайно и то, что соседские отношения являют собой победоносного конкурента родственных отношений, вплоть до дихотомии «соседство vs. родство», часто соседство и вовсе рассматривается в качестве параллельной системы (псевдо)родства. Все эти характеристики связаны как минимум с двумя вещами: 1) с традиционалистским дискурсом и функциональной инструментализацией соседских отношений; 2) риториками о специфичной

¹ В разные годы это административное образование называлось: Автономная Косовско-Метохийская область (1945–1963), Автономный край Косово и Метохия (1963–1968), Социалистический автономный край Косово (1968–1990). В 2008 г. в одностороннем порядке здесь была провозглашена независимость от Сербии, в настоящее время территория является частично признанным государством Республика Косово; в сербской номенклатуре территориально-административных единиц продолжает считаться Автономным краем Косово и Метохия в составе Республики Сербия.

культуре в мультикультурных городских средах. Соседство и родство — органичные и до некоторой степени самодостаточные социальные системы, часто представляющие собой альтернативную государственной самоорганизующуюся социальную структуру.

Несмотря на множество интерпретаций и неожиданных теоретических заключений, соседские отношения занимают в теории социальных сетей особое место. Являясь важнейшей единицей повседневной жизни, соседские взаимодействия, с одной стороны, покрывают сиюминутные рутинные потребности социального взаимодействия, а с другой — могут стать ключевым механизмом (не)спасения в момент критической ситуации. Существует множество замечательных эмпирически выверенных текстуальных и визуальных исследований о поведении соседей в формальной ситуации этнических чисток (документалистика, (полу)игровое кино, художественные фильмы). Однако академических исследований, посвященных изучению взаимодействия соседей в условиях социально-политической напряженности, не так много. Настоящим исследованием мы предпринимаем попытку не только заполнить этот пробел, но и внести свой аналитико-эмпирический вклад в общую дискуссию о различных ипостасях соседских отношений в конкретной специфической ситуации этнического погрома. Таким образом, авторы ставят перед собой несколько целей, одна из которых может быть сформулирована как поиск отражения «человеческого лица» в атмосфере всеобщего насилия и войны.

Этнографический метод. Последние десятилетия социальные философы много говорят о сакрализации личности и глобальной (или транснациональной) моральности. Научные работы о спасении в контексте политического насилия используют метод устной истории или микроистории, сопряженный со сбором биографических интервью. Микроистории позволяют собрать под одним «зонтиком» воспоминания, свидетельства индивидуальной памяти и личные комментарии, имеющие историческое значение. Они проливают свет на то, как идеологемы и идеологические конструкты (например, «геополитический фактор», «дилемма безопасности», «пятая колонна»), приводящие к политическим катаклизмам, влияют на обычных людей; как международные отношения отражаются в искореженных судьбах личностей.

Среди большой группы опрошенных нами информантов следует выделить ключевых, повторные беседы с которыми дают работе эффект лонгитюдности. Эти глубинные интервью были записаны авторами в среде беженцев-армян из Азербайджана (ныне проживающих в Армении, России, США); среди косовских сербов, покинувших Косово и живущих сейчас в Сербии (г. Ниш), а также от косовских албанцев — жителей г. Приштина. Анализу исследовательских интервью значительно способствовала работа с ранее опубликованными источниками, которые включают интервью и хроники «по горячим следам», материалы социальных

сетей и Интернет-форумов. Узкоспециальная задача авторов сводится к тому, чтобы в сотрудничестве проанализировать эмпирический материал из удаленных друг от друга территориально (но не темпорально!) «полей», вычлняя общее и особенное в событийных и дискурсивных рядах в двух этих различных социальных контекстах; сортируя эмпирический материал в зависимости от того, что в нем встраивается в уже разработанные теории, а что выходит за их пределы. Наш, пожалуй, главный вопрос можно сформулировать следующим образом: что мотивирует соседа рисковать своей жизнью и спасти близких *других*? Мы считаем, что именно такое сужение исследовательского фокуса, требующее «мягких», «качественных» методик и подходов, делает работу антропологичной по своей сути.

Теоретические рамки исследования. На повестке у авторов несколько спорных вопросов, которые важно рассмотреть ввиду того, что история посткоммунистических конфликтов (косовский и карабахский) дает свои, в чем-то нетривиальные, уроки и образцы проявления гуманизма в ответ на злоедейский оскал вражды, ненависти и насилия. Помимо соседства, еще одной важной категорией анализа является *спасение*. Литература по теме высвечивает три основные категории спасителей — соседи, родственники (включая близких друзей) и незнакомцы: вопрос о том, действуют ли они сообща, вместе с институтами или как автономные личности, также имеет много концептуальных граней, заставляющих иначе взглянуть на ситуацию. Неясным часто остается вопрос о мотивах (как явных, так и тайных) спасателей. В данном случае трудно разобраться в том, где проходит граница между альтруизмом и прагматикой: часто эти мотивы не стоят в оппозиции друг к другу, сочетаясь между собой. Здесь фигурирует также архетипичное (по М. Моссу) понятие дара (ведь при вынужденном уходе, бегстве речь идет об имуществе, которое преследуемые оставляют, нередко — соседям). В связи с нюансами подобного рода остается проблематичным генерирование такого социологического определения категории спасения, которое не скатывалось бы на рельсы психологизма и биологизма, или даже «химии» в психосоматическом смысле этого слова. Иными словами, понимание *спасения* как такового у каждого человека и в разных культурах может быть разным (от физического *escape* до христианского спасения, путь которого указал Христос своим примером). Таким образом, выходит, что категорией спасения очень сложно оперировать в академической дискуссии из-за ее многогранности, предполагающей самые разные подходы и интерпретации. В связи с этим авторы считают уместным оговорить, что решение такого рода философско-теоретических проблем в цели исследования не входит. Категория *спасение* рассматривается нами в определенных обстоятельствах, речь идет о этнических чистках и преследованиях жертв, которых выбрали в качестве «ответчиков», «козлов отпущения». *Спасение* в нашем случае аналитически описывает

индивидуальное поведение социальных акторов, индивидов (в данном случае — соседей), которые принимают «неудобное» решение «плыть против течения» (наше вынужденное обращение к метафорам является еще одним свидетельством сложности темы).

На сайте музея «Яд ва Шем» дано определение «праведников народов мира» — людей, спасших хотя бы одного еврея от угрозы смерти, при этом рискуя своей жизнью². Именно эти люди удостоиваются чести называться праведными («The Righteous among the Nations»), и они наднациональны, то есть не имеют национальности. Термин, как можно догадаться, родился в результате исследований Холокоста, причем в государстве Израиль существует почетное звание для праведных людей неиудейской веры (на иврите *khassidey umot ha-olam*).

В современной специальной литературе по исследованиям геноцида не так давно развернулась полемика по поводу академической продуктивности и адекватности концепта праведности в связи с его явными отсылками к иудейско-христианской религиозной традиции³. С уместностью использования этого термина спорит американский социолог Фатма Муге Гючек, предлагая альтернативный, более конгруэнтный, нейтральный и свободный от религиозных коннотаций термин «справедливый» (*just*) человек (Göçek 2010: 33–50). Возможно, речь идет о вычлениении мусульманского религиозного лексикона, автоматически исключающего возможность и наличие этих практик среди мусульман, хотя тут можно было бы поспорить, ведь все перечисленные вероучения произрастают из одного и того же корня и часто называются в литературе авраамическими религиями.

Если попытаться расширить, интернационализировать пределы социального феномена *спасения* и индивидуального сопротивления государственной машине, то окажется, что термин *спасение* действительно несет в себе потенциал исключения и барьера. Этот факт ни в коей мере не отрицает того, что религиозные воззрения действительно играли грандиозную роль в решениях индивидов принять стратегию спасения. Например, решение французских протестантов помочь евреям, поскольку в основе религий обеих групп общие священные тексты — то, о чем пишет Патрик Кабанель (Cabanel 2010). Сюда же относятся хорошо описанные Ивом Терноном религиозные аспекты в решении о спасении армян в провинции Мардин Диарбекира (Ternon 2010: 383–394). Согласно Тернону, особенность провинции заключалась в том, что «большинство мусульман здесь были курдами, а христианское меньшинство представляли здесь не только армяне» (Ternon 2010: 383–394). Однако, стараясь

² См.: <https://www.yadvashem.org/righteous.html> (дата обращения: 09.06.2019).

³ Ср. название книги Дэвида Гусе (David P. Gushee, 2011) «Righteous Gentiles of the Holocaust: Genocide and Moral Obligation», то есть «Праведные неевреи/иноверцы Холокоста: геноцид и моральные обязательства».

держаться на расстоянии от *овеществления*, субстанциализации религиозного фактора, следует отметить другие немаловажные контекстуальные переменные, такие как хронология событий, география, границы. Авторам по вкусу понятие альтруистической личности, введенное в оборот в 1980-е гг. Сэмюэлем и Перл Олинерами (Oliner, Oliner 1988), и симпатично оно не в последнюю очередь из-за прямой ассоциации с дюркгеймовским языком⁴. Среди факторов, влияющих на решение за или против участия в спасении, называют также историю региона, города, особенности этноконфессиональной ситуации в нем, отношение местных элит, силу обстоятельств.

Проблемным элементом анализа выступает также эмпатия, рассыпающаяся при ближайшем рассмотрении на мириады проявлений, которые иногда трудно отнести к сфере морально-этического, к чистому альтруистическому поведению личностей. Так, после изучения устных историй (527 интервью, собранных в Калифорнии у поколения выживших армян в рамках специального исследовательского проекта) понятие альтруистической, самоотреченной личности было раскритиковано американским историком Ричардом Ованнисяном (*The Armenian Genocide* 1992). Анализ этих интервью показал, что в организации спасения армян иногда участвовали также в союзе с индивидами и институты (в том числе соседские сообщества), представлявшие собой по сути социальную сеть сочувствующих. Согласно опубликованным результатам проекта, среди спасителей были люди самых разных национальностей с разным социально-экономическим статусом (крестьяне, сельская знать, госчиновники, купцы, солдаты и жандармы) (Novannisian 1992: 173–207).

Привлечение сведений об историях спасения во время геноцида 1915 г. в Османской империи позволяет лучше разглядеть сходства и различия аналогичных случаев в Азербайджане и Косово. Как в карабахском, так и в косовском конфликте помощь жертвам погромов предоставлялась из различных источников: от индивидов (чаще всего соседей), от сетей индивидов (соседи, друзья и приятели, действовавшие сообща) и государственных институций (советские войска в Сумгаите и Баку; югославская полиция и армия в Приштине и окрестностях). К сожалению, региональные институты власти в лучшем случае подверглись давлению и насилию со стороны воинствующих молодчиков, националистов Народного фронта в Азербайджане и парамилитаристских формирований, движимых идеей этнического национализма, в Косово (как сербских, так и албанских).

Обзор литературы. Кроме философско-этических вопросов о множественности смыслов категорий *спасение* (Marutyun 2017) и *эмпатия* (Shahnazarian 2009; Шахназарян 2015), важно обратиться к авторам,

⁴ Если вспомнить один из сложнейших типов в его классификации самоубийств — альтруистическое, когда суицид совершен ввиду невыносимости несправедливости мира (Дюркгейм 1994).

описавшим детали интересующих нас конкретных событий в советском Азербайджане и в югославском Косово.

Рассказы об этих событиях из первых уст были записаны и опубликованы журналистами, активистами и учеными, среди которых Самвел Шахмурадян, Ирина Мосесова и др. (Сумгайтская трагедия 1989; Мосесова, Овнанян 1991; Самооборона армян 2014). Необходимо указать также на ряд публикаций мемуарного характера, например, на книгу Анны Аствацатурян Туркотт (Astvatsaturian Turcotte 2012).

Хронология и эскалация конфликта в Косово прослеживается в книге местного журналиста Зейнела Зейнели (Зејнели 1995), а также в сборнике интервью с людьми, пережившими войну в Косово, который был подготовлен швейцарской журналисткой Элизабет Кэстли (Kaestli 2005).

Историческая ответственность таких групп, как профессиональные историки, музейщики и прочие пестующие идеологии интеллектуалы, затрагивается в ряде книг. Например, в работе о роли югославских историков в рассматриваемых событиях (Yugoslavia and Its Historians 2003). В связи с постсоветскими этническими войнами, роль интеллектуалов в постсоветских конфликтах проанализировал российский ученый Виктор Шнирельман в специальной работе (Шнирельман 2003). Следует указать также на исследование Жана Клааса Бехрендса, который рассматривает пять кейсов периода позднего социализма и транзита (Behrends 2015: 667–681).

Хотя методологически мы хотели бы противопоставить антропологию/социологию насилия антропологии спасения, для данного исследования релевантно также привлечение литературы, посвященной анализу политического насилия. В этой связи следует упомянуть фундаментальные работы Дональда Хоровица (Horowitz 2001), Нормана Наймарка (Naimark 2001), Майкла Манна (Mann 2005), которые скрупулезно, терпеливо, «на пальцах» объясняют как структуру погрома, так и ее анатомию. Они растолковывают, *что* заставляет мирных граждан, соседей, в прошлом приятелей превращаться в массовых убийц. Директор Института исследований мозга и человеческого поведения Ицхак Фрайд считает, что настало время задать неудобные вопросы о тех мыслительных процессах, которые позволяют «обычным» людям превращаться в людей, готовых к насилию (Suthana, Fried 2012).

Наша первая задача, таким образом, — описывая и анализируя случаи агентивного соседского поведения, создать прецедент сопротивления традиции рассмотрения самого насилия и, наоборот, проанализировать акты спасения сербов и армян албанскими и азербайджанскими соседями соответственно. Эти люди подобным образом сумели выразить собственную универсалистскую субъектность и выступить агентами самостоятельного мышления. Но *кто* были эти соседи, которые приняли активистское, часто импульсивное решение спасти соседей в

трагические моменты? Почему другие люди повели себя иначе: в лучшем случае явно или скрыто обкрадывая своих давних соседей?

Задача вторая — проанализировать экономику соседства, ее инфраструктуру и глубинные корни различий экономического поведения, которые гипотетически могут вывести на анализ таких социальных феноменов, как классовая ненависть, реакции государственных институций на проявления нелегитимного насилия. Иногда «логика» (не)спасения плохо поддается нашим представлениям о здравом смысле. Согласно эмпирическим данным, продолжительные эмоционально заряженные, «сильные» связи подчас давали сбой, вызывая скорее отстраненность от ситуации или еще большее раздражение и открытую агрессию, в то время как «слабые» приятельские отношения, почти «шапочные» знакомства, одновременно обретали решающую роль для сохранения жизни преследуемых (данная тема, впрочем, достойна отдельной статьи).

Борьба номинаций. Геноциды, погромы и иные человеконенавистнические образцы поведения существуют со времен появления человеческих (со)обществ. Однако впервые в подобных терминах об этом заговорили применительно к ситуации армянских погромов в Османской империи в 1915 г. в ходе Первой мировой войны. Сам термин «геноцид» возник гораздо позже в контексте народного мщения, реализованного в Берлине Согомоном Тейлорьяном, который, застрелив среди бела дня одного из триумвиров, Талаата-пашу, спокойно ожидал прихода полиции. Затем он вместе с дюжиной выживших очевидцев свидетельствовал на показательном суде. Во время получившего международную огласку процесса польский юрист Рафаэл Лемкин придумал и ввел в обращение термин «геноцид». После этого была утверждена описывавшая феномен геноцида специальная конвенция ООН, наделявшая слово силой легитимности. Страшное обвинение в геноциде, как показали последние события в Германии, имеет ретроспективную силу. Видимо, именно с этим фактом можно связать борьбу терминов: слово обрело мощные коннотации и стало слишком «сильным». Возможно, поэтому в 1990-е гг. в журналистском дискурсе в связи с обсуждением югославских конфликтов возникает облегченная и менее обязывающая версия этой категории — «этнические чистки». Оба термина не могут не политизироваться. Скорее всего, именно об этнических чистках можно говорить в контексте практически всех посткоммунистических этнических войн, включая наши кейсы (слово «погром» чаще всего привязано к еврейскому контексту, к тому же звучит как анахронизм).

Провинция — еще одна релевантная для нас категория, которая для аккуратности научного анализа нуждается в четком определении. Скрупулезное рассмотрение социальных сред и социального поведения различных групп населения в городах, где происходили чистки, а также языка, используемого для нарративов, вынуждает авторов обратиться

к категории провинциальности. Ссылаясь на различные словари, исследователи приводят несколько значений слова «провинция»: 1) завоеванная древними римлянами территория, управлявшаяся наместниками; 2) административно-территориальная единица в некоторых государствах, включая Россию XVIII в. (часть губернии). Еще одно значение, с пометкой «устаревшее», включает оценочные параметры: отдаленная от столицы, центра местность, периферия. Эти определения предлагают два толкования: «1) местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупного культурного центра, города; 2) символ косности, отсталости» (Ахапкина 2001: 6). Наш эмпирический материал уточняет эти дефиниции: провинция — это место, которое продуцирует традиционное, знакомое, наше.

Важно отметить, что провинциальность как социальный феномен настолько не может остаться незамеченным, что еще задолго до конфликтов породил свои локальные эквиваленты как в Азербайджане (*чушки, районлу*)⁵, так и в Косово (алб. *malok, katunar*, досл. ‘горец, деревенщина’; серб. *селяк, дивљак*, досл. ‘деревенщина, дикарь’). Именно эти социальные группы, управляемые политическими элитами, и выступают на передний план националистической борьбы, активно вытесняя городских с их обжитого пространства. Согласно репрезентациям участников исследования (информантам), именно новые самозванные политические элиты попустительствуют провинциалам в их подстрекательствах, погромных намерениях и действиях, сообщая моменту безнаказанность. В результате на сцену выходят новые горожане, которые очень скоро меняют былой облик только что приватизированных ими городов. От политической партии переходного периода к бандформированиям — наверное, так можно описать быстрые трансформации политических ландшафтов в Баку и Приштине. Житель былого мультикультурного Баку, шахматист Гарри Каспаров резюмировал то, что многие участники нашего исследования говорили на разный манер, следующим образом: «Нет, я не скучаю по Баку, потому что того Баку, который я любил, уже больше не существует».

Провинциальность как косность имеет также постэффект. Это отражает социальная реальность Германии раннего периода антинацистского консенсуса, когда «нежелание местных судов заниматься суровым осуждением обвиненных в массовых убийствах нацистских преступников выразилось в фантастически мягких приговорах» (Арендт 2008: 30–31). В советское время был суд против «хулиганских действий» сумгаитских погромщиков (чтобы не накалять страсти, многотомное судебное дело было разбито на эпизоды и разбросано по разным городам Советского Союза; жертвы и их мучители сидели в общем зале ожидания, где последние снова злобно угрожали чудом выжившим армянам). Никаких судов, осуждающих политическое насилие в форме этнических чисток в Баку и

⁵ Эмические речевые конструкции, изобретенные информантами или другими авторами, выделены курсивом.

Сумгаите в 1988–1991 гг., в независимом Азербайджане пока не было⁶. Кроме этого, Международным трибуналом по бывшей Югославии был оправдан по всем 37 пунктам обвинения нынешний премьер-министр Косово Рамуш Харадинай, который во время войны в Косово являлся влиятельным полевым командиром Армии освобождения Косово (АОК, алб. *UÇK*).

КОНФЛИКТЫ-КЕЙСЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

При анализе социальных процессов *in situ* антропологу нередко приходится отмечать, что оценки одной и той же ситуации или произошедшего события могут быть полярными среди представителей различных социальных, политических, религиозных сообществ и групп, долгое время проживающих бок о бок. Дальнейшее восприятие физического пространства и межличностных отношений, вписанных в него, зачастую заканчивается созданием и поддержанием стереотипного образа «чужака», *другого*, от которого нужно как можно скорее отмежеваться реальной или представляемой границей. Отныне эти разделяющие рассматриваемые сообщества на два (или более) враждующих лагеря границы становятся еще более актуальными в условиях пережитого вооруженного конфликта.

Для анализа историй спасения нами было выбрано соседство (сообщество соседей, то, что точнее передается английским термином *neighbourhood*, поскольку в данном термине, в отличие от русскоязычного, заложена категория пространственности) в качестве базовой единицы социального взаимодействия, поскольку как в армяно-азербайджанских, так и в албанско-сербских отношениях на уровне повседневности именно соседство (как социальная категория) являлось первичным условием и источником взаимодействия, что способствовало взаимному узнаванию и кооперации, которые помогали установить и укреплять чувство приятия иной культуры и религии, а в некоторых случаях и партнерства как в мирное, так и в военное время.

Таким образом, одна из исследовательских задач, которую ставили перед собой авторы, заключалась в рассмотрении феномена соседства в качестве городского социального института, одной из характерных черт которого являлось и является межэтническое взаимодействие. В частности нас интересовало то, каким образом такие социальные связи влияют на спектр идентичностей представителей данного типа микросоциума в условиях погромов, этнических чисток и вооруженного конфликта.

⁶ Но был экстрадирован (фактически выкуплен за кругленькую сумму) из Венгрии Рамиль Сафаров, который зарубил топором армянского офицера Гургена Маркаряна на учениях НАТО по миру и демократии в 2006 г. У трапа самолета его с почестями встречал сам президент И. Алиев. Сафарову немедленно было присуждено звание национального героя.

Карабахский конфликт, полный иррационального насилия, был одним из самых кровавых конфликтов в процессе парада суверенитетов. Погромы в Сумгаите и Баку были радикальной реакцией азербайджанских ультранационалистов (во главе с печально известной партией «Народный фронт») на Карабахское движение, начавшееся в феврале 1988 г. в Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) и в Армянской ССР. Конфликт унес 35 тысяч жизней, и он все еще не разрешен. До Бархатной революции в Армении в среднем один человек в день погибал на Линии соприкосновения между армянскими и азербайджанскими армиями (после прихода Н. Пашиняна к власти число жертв «снайперской войны» значительно спало — 14 человек за последний год). Население Армении стремительно сокращается от экономической миграции. Обе стороны получили в наследство от конфликта сотни тысяч необустроенных беженцев-коэтников и миллионы рядовых граждан, пораженных посттравматическим стрессовым синдромом (ПТСР)⁷ (Шахназарян 2008: 50–51; Shahnazarian, Ziemer 2012: 1667–1683).

Трагические события в Сумгаите в феврале 1988 г. и в Баку в 1990–1991 гг. описываются в терминах классического погрома (позже во время широкомасштабной войны акты насилия имели место и против азербайджанцев, проживавших в Нагорном Карабахе). Какие эмпатические дискурсы можно извлечь из погрома, из вспышки насилия? Отрицание универсальных моральных принципов и их «легитимная», с точки зрения агентов насилия, утрата имеет место при экстремальных драматических ситуациях, особенностью которых становится дегуманизация *другого, врага* вплоть до описания его в терминах и категориях хтонической части животного мира (таракана, комара, змеи). С самого начала конфликта турбулентное движение этнических азербайджанцев из провинциальных районов Азербайджана и Армении в столицу Баку стало предтечей и катализатором вандализма и физических расправ в отношении этнических армян Азербайджана «в отместку» за то, что их «соотечественники» совершали в Карабахе и Армении. Эти спонтанные действия были сопряжены с архетипическими представлениями, будто нация — это единое физическое тело с коллективной ответственностью. Из свидетельств информантов можно заключить, что в массе своей эти люди были выходцами из сельской местности и позиционировали себя носителями «традиционных», «национальных» взглядов и стиля жизни «по-нашему». Основные волны рурализации города, которая, согласно интервью, явно способствовала социальной напряженности городских сообществ в конце 1980-х (с пиком в начале 1990-х гг.), были связаны как с имперскими и советскими модернизационными толчками, так и националистическими политиками доморощенных советских лидеров.

⁷ Согласно англоязычной биомедицинской литературе, Post-Traumatic Stress Disorder (Injures) (PTSD(I)).

В текстах интервью бакинских армян 1969 г. был многократно отмечен как рубежный год, когда «началось открытое вытеснение инородных кадров; город заполнили районные люди, которые не только привезли с собой свои правила, но активно пытались навязать их нам, городским» (Гарик О., 1968 г. р., род. в Баку, записано в Детройте в 2015 г.). Ср.: «Ездить на речку и плавать там в купальнике, как обычно, стало небезопасно, и мы потихоньку перестали это делать» (Регина П., 1953 г. р., зап. в 2015 г.). Массовое «приглашение» сельских жителей в советские столицы было нормальной политикой местных номенклатурщиков многих республик для того, чтобы выторговать у центра средства для строительства метро в городе-миллионнике. Такого рода мотивы, вызвавшие турбулентные демографические тренды, и стали подоплекой социальной инженерии советского местнического типа. Следующим событием, ознаменовавшим пик доступа сельчан к городскому пространству, стал поток беженцев из соседней Армении в Азербайджан в позднесоветский период в 1988 г., в начале карабахского конфликта.

Подстрекаемые ультранационалистами «Народного фронта Азербайджана» так называемые *районлу* (то есть выходцы из районов, приезжие из провинций Азербайджана) и *еразы* (неологизм конца 1980-х гг., сокращение, образованное от «ереванские азербайджанцы»), то есть новая сеть, встали в авангарде насилия и садистских действий, в то время как значительная часть соседей, друзей-приятелей и коллег, старая сеть включились в защиту армян от погромщиков. Социальный и экономический статус этих зачастую люмпенизированных групп был низким, и через подобные действия они пытались пробиться к социальному лифту, к новому, более престижному статусу или (банально) к понационалистически легитимизированному доступу к чужой собственности. Вытесняя «старые», «чуждые» группы, они метили на их места в прямом и переносном смысле — занять их дома, завладеть их имуществом, унаследовать их позиции, рабочие места. Все эти интенции и претензии чаще всего носили эксплицитный характер, но камуфлировались риторикой о священной борьбе за национальные идеалы, за однообразие, гомогенность, нации, за ее очищение от слишком заметного конфессионально гетерогенного этноменьшинства (в данном случае — армян).

Война в Косово (1998–1999), а также последовавшее за этим вмешательство международных сил, которое в конце концов привело к провозглашению в одностороннем порядке независимости Республики Косово⁸ от Сербии (17 февраля 2008 г.), вероятно, поставила финальную точку в процессе гомогенизации этнического состава региона. На протяжении всего XX в. количество сербов в Косово неуклонно снижалось (прежде всего вследствие оттока сербов из края и высокого уровня рождаемости у

⁸ В сербской номенклатуре территориально-административных единиц — Автономный край Косово и Метохия в составе Республики Сербия.

албанцев), несмотря на попытки сначала королевского (особенно в межвоенный период), а позже социалистического правительства Югославии изменить пропорциональное соотношение численности албанского и сербского населения (Bataković 1999: 4–8). На сегодняшний день, согласно официальной статистике Республики Косово, албанцы составляют почти 93 % населения страны, в то время как доля сербов составляет всего 1,5 %⁹. Однако ситуация не была таковой еще несколько десятилетий назад: мультиэтнический характер Косово, провозглашенный конституцией в 2008 г., действительно имел место и способствовал постоянным контактам представителей разных этнических групп¹⁰.

В течение 1998 г. конфликт протекал между Югославской армией (включая полицию) и повстанческой Армией освобождения Косово. Столкновения сопровождались систематическим нарушением прав человека, и к осени 1998 г. число жертв достигло 1 000 человек, а более 230 тыс. албанцев среди гражданского населения вынуждены были покинуть край. В конце концов в результате давления международной общественности осенью 1998 г. было достигнуто соглашение о перемирии, которое, однако, оказалось недолгим, и в январе 1999 г. югославские власти возобновили операции против АОК, что и послужило окончательной причиной вмешательства международных сил. За время бомбардировок Югославии авиацией НАТО в марте–июне 1999 г. Косово покинули около 848 тыс. албанцев, из которых 444 тыс. осели в Албании, а 244 тыс. оказались в Македонии, а также 100 тыс. сербов и черногорцев. Летом 1999 г., после того как край перешел под контроль НАТО и косовских албанцев, произошло второе массовое переселение сербов и черногорцев в Сербию и Черногорию. Всего в конце 1999 г. на территории Сербии и Черногории находилось порядка 250 тыс. сербов и черногорцев, покинувших Косово. На июнь 2013 года в Сербии находилось 210 тыс. перемещенных лиц из Косово.

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

В соответствии с советской идеологией дружбы народов и интернационализма азербайджанские города в этнодемографическом плане представляли собой многокультурные мегаполисы с сильно развитой советской индустрией. Структура пространства этих городов была под воздействием

⁹ Данные переписи 2011 г. Результаты доступны на сайте Министерства статистики Республики Косово (<http://ask.rks-gov.net/>). Необходимо отметить, что сербское население Северного Косово (общины Митровица, Звечан, Лепосавич, Зубин-Поток) по преимуществу проигнорировало перепись. Неофициальные источники указывают на 6 % сербов относительно всего населения Косово. Ни одна из прочих этнических групп, проживающих в Косово (турки, бошняки, цыгане, гораны), не превышает 2 % от общей численности населения страны.

¹⁰ Однако в последние несколько лет наблюдается пусть незначительный, но все же приток сербских беженцев, которые были вынуждены оставить свои дома в 1998–1999 г. По оценкам экспертов, с 2000 г. в Косово вернулись от 3 до 7 тысяч сербов (Мартьянова 2013: 134–135).

этого мощного промышленно-индустриального комплекса, она была им сформирована. Большинство армян приехали в Азербайджан из Карабаха и других мест СССР в годы великих строек — в 1950–1960-е гг. В поисках дешевой рабочей силы советское правительство применило всю мощь государственного аппарата, чтобы оторвать многих из них от своих расширенных родственно-клановых групп. Эти события предопределили типы их расселения, повлияли на организацию пространства, которое осваивалось новоприбывшими строителями коммунизма. Мегапроект этот назывался индустриальной революцией, советской модернизацией. Согласно свидетельствам первого поколения жителей-армян Баку и Сумгаита, они были насильственно согнаны в эти города на промышленные предприятия из глухих карабахских сел (интервью жителя Баку Гранта М. и жительницы Сумгаита Розы А.). Позже уже на добровольной основе за ними потянулся шлейф родственников. Природу межэтнических отношений до развала СССР можно описать в терминах победившего советского интернационализма. «Погромоленные» города до конфликта славилась дружескими соседскими отношениями, вспоминают о вечерних посиделках во дворах Сумгаита — *мейля* (от тур. *mahalle*), — которые были местом неформального общения, «плавильным котлом», где были люди различных национальностей. Дворы перед высотками были оснащены уютными беседками и лавочками. Вековые культурные обмены между разными народами на Южном Кавказе в целом, стали основой довольно интимных культурных взаимодействий: выпестовали общие вкусы в музыке, еде, литературе, поп-культуре. Кроме союзного *lingua franca* — русского языка — многие не-азербайджанцы, в частности армяне, потрудились выучить азербайджанский язык, активно используя его как «запасной» язык общения, как средство социальной аккультурации и интеграции. Дальнейшее развитие событий обнаруживает важность и власть этих символов (язык, культурная сопричастность, разделенный советский быт), когда предметы-символы выступали как автономные агенты спасения, как это было в сумгаитской квартире Рузанны Авакян.

Культурная интегрированность некоторых армян, выраженная посредством заимствованной традиции в имянаречении (из-за института *кирва* многие супружеские пары нарекали своих детей мусульманскими именами)¹¹, в проникновенной причастности к локальной культуре (на книжных полках во многих армянских домах стояли книги азербайджанских авторов), являлась почти осязаемым объективным фактом. Фенотипическое внешнее подобие, похожесть, включавшее как врожденное расово-антропологическое¹², так и приобретенное сходство (золо-

¹¹ Подробнее об институте *кирвалик* см.: (Шахназарян, Шахназарян 2010: 54–55).

¹² В ходе военной операции «Свадьба в горах» по взятию крепости Шуши по приказу командования армянские солдаты пришли к своим рукам кресты из белой материи, чтобы во время боев можно было различить армян и азербайджанцев. Второй случай связан с избиениями армян

тые зубы и другие культурные атрибуты «азербайджанскости»), делало преследуемых *других* фактически неотличимыми от *своих*, азербайджанцев. Вот почему погромщики спрашивали паспорта у своих жертв, чтобы проверить графу национальность, что в свою очередь породило «черный» юмор, самоиронию среди жертв: армяне — инвалиды пятой группы (игра слов, связанная с пятой графой советского паспорта, где указывалась национальность). Эта интегрированность и неразличимость, которую усиливала, нивелировала унифицирующая стандартизация советской культуры, в какой-то степени помогала избежать нападений¹³.

Личный же уровень отношений связан как с индивидуальной идентичностью, так и с национальной идеологией инаковости. Интизар, одна из оппонентов армянской информантки (упомянутой ниже), немедленно забыла о многолетней дружбе и соседстве, учебе в школе и в училище, коллегиальности на работе. Она вдруг очень забеспокоилась по поводу воображаемой экологической угрозы и опасности азербайджанским «национальным биологическим видам» — национальным бабочкам в Топхане и цветочкам в Шуше, которым злонамеренно угрожали армяне Карабаха. Это стало противовесом долговременной дружбе и соседству. И наоборот, невзирая на достаточно холодные дистанцированные отношения в процессе жизни по соседству до конфликта, в дни погромов Лейла все-таки решительно предложила своим соседям постучаться в ее дверь в случае опасности. Она сделала это, рискуя своей жизнью, в отличие от Интизар, у которой мотивов для такого поведения, казалось, было гораздо больше.

В такой же плоскости развивались схемы спасений в Сумгаите. Согласно свидетельствам семьи Ванянов, неожиданная помощь, сопряженная с большим риском для жизни, поступила от того соседа, от которого они меньше всего ожидали. Елизавета рассказывает о погромщиках:

Во дворе они начали вопить: «Это ты поливала нас горячей водой, ты мучила и проклинала нас? Сейчас увидишь, что мы с тобой сделаем!». И они начали избивать меня, били сразу со всех сторон и чем попало. Говорили, что сожгут меня, чтобы я поняла, каково это, когда поливают кипятком. Все, что я помню, — как сосед-азербайджанец бегал вокруг и кричал: «Побили и хватит, я не дам вам сжечь ее». Его зовут Бейляр, их было два брата, они жили на третьем этаже.

в Баку в 1989 г., когда мужчины-армяне армянонаселенного района Арменикенда решили, что голыми руками их не взять, что они намерены защищаться, сразиться с погромщиками. Из интервью Г. Овакимяна (Саус Филд, штат Мичиган, США): «Мужчины договорились, что у всех наших будет голый торс, чтобы в случае нападения знать, кого бить...»

¹³ Из интервью Э. Багдасаровой (проживает в Детройте, штат Мичиган, США): «Потом [после погромов в Сумгаите] целый год мы еще работали... то есть я ездила в Сумгаит на работу... без паспорта. Я ездила без паспорта, но меня все время выводили... на улицу и спрашивали, где паспорт? Русские солдаты... Всегда в автобусе был русский солдат. Я говорила, вы представляете, если я буду ездить с паспортом, меня же сразу кокнут. Я еду без паспорта, потому что я знаю азербайджанский язык, меня никто не тронет, а с паспортом я не могу ехать в Сумгаит. Так я ездила целый год. Потом мы летом уехали...»

Владимир, сын Елизаветы, продолжает вспоминать:

Мы не ожидали этого от него, потому что он был наркоман. Постоянно курил анашу и не ладил с армянами.

Елизавета рассказала далее:

Я уже лежала на асфальте в окружении этих подонков, и тут Бейляр с братом прорвали этот круг и закричали: «Хватит уже бить. Мы не дадим вам сжечь ее. Что она вам сделала?». Переговорив между собой, погромщики сказали: «Ладно, мы уйдем, но это позор, что мы не сожгли ее». И они действительно ушли...

Наши материалы представляют коллекцию подобных случаев, когда взаимное проникновение культур становилось важным фактором для того, чтобы избежать фатального исхода. Случай вышеупомянутой Рузанны Авакян из Сумгаита (ныне проживает в Степанакерте) демонстрирует, как узнаваемые «азербайджанские» культурные символы и их связь с этноидентичностью значительно способствовали спасению ее семьи, и квартира ее не подверглась разграблению. Погромщики увидели на книжных полках книги Саади (и не заметили рядом томик Абовяна «Раны Армении»), сочтя это достаточным доказательством того, что вошли по ошибке в азербайджанский дом.

В большинстве воспоминаний армян Сумгаита и Баку соседские балкон или забор становились той границей, перейдя которую армяне были спасены. Таким же пороговым символом служили подвалы и чердаки, где армяне прятались с позволения своих соседей, которые шли на смертельный риск. Азербайджанские соседи часто прятали детей и взрослых, закручивая их в ковры или пряча армян под матрасами в своих квартирах. В рассказанном Эммой Багдасаровой эпизоде (информантка проживает сейчас в штате Мичиган), в Баку ее спас соседский кролик, живший в общем «предбаннике». Когда погромщики, вырубив топором дверь, ворвались в квартиру, животное затопало лапами об пол так громко, что погромщики решили, что это советские военные спешат жертвам на помощь. Они бежали, прихватив драгоценности и самые дорогие вещи, но в спешке забыли сумку с документами, в которой был диплом Эммы об окончании консерватории по классу фортепиано — бумага, которая стала ее путевкой в новое будущее в США.

Солдаты советских воинских частей медлили с помощью армянам, потому что, как объясняли они, не было приказа. Москва не торопилась. Солдаты два долгих дня наблюдали за бесчинствами погромщиков, застыв с оружием в руках и не имея полномочий вмешаться в происходящее. В таких условиях значение локальных акторов спасения повышалось. Гегецик Бахшиевна Кочарян (1942 г. р.) жила по адресу: Сумгаит, 17-й микрорайон, дом 51, кв. 59. Она работала начальником ЖЭКа № 11,

который обслуживал 17-й, 10-й и 18-й микрорайоны города. Вот ее воспоминания:

Многие жильцы нашего дома, мои работники, знакомые заходили к нам. Пришел даже председатель совета аксакалов Махмудов Джамиль. Они все приглашали нас к себе домой, но я сказала, что мы никуда не уйдем. Это было примерно в 3 часа дня. Зашел и Ширинов Аршад, который жил напротив нас, на 2-м этаже в однокомнатной квартире. Он не просто пригласил нас к себе, но умолял, даже заставлял. Я все равно не хотела, но свекровь прямо толкнула меня к ним, она мне шептала на ухо, мол, опомнись, девушек могут опозорить, давай пойдем к соседям.

От тех же локальных актеров-инсайдеров, от соседей часто поступала информационная помощь. По свидетельству жителя Сумгаита Юрия Даниеляна (1930 г. р.) соседи доносили до потенциальных жертв важную информацию: «Во время погромов мы отключили свет в квартире, стараясь быть незаметными, но соседка нам сказала, чтобы мы, наоборот, включили свет, потому что темные окна были указателем на объект нападения». Рассказывали случаи, когда локальные актеры, проявившие волю к спасению своих соседей были наказаны погромщиками. В таких условиях жертвы преследований оказывались загнаны в угол. Затруднительность положения была в том, что многие из них предпочитали не брать на себя моральную ответственность за жизни своих соседей. Житель Сумгаита Миша Арустамян (1941 г. р.) рассказывает про февральские события 1988 г.:

Смотрю, на улице Дружбы что-то происходит, невозможно проехать. Огромная толпа идет. Там ребята-таксисты стояли, один кричит мне, мол, Миша, туда не езжай... Вернулся опять на улицу Ленина, один подбежал ко мне и говорит, мол, туда не езжай, с камнями идут. Тут я кинулся бежать через дворы, кое-как домой дошел. Соседу дал ключи, он машину на стоянку отвез. 27-го я переночевал у соседей-азербайджанцев. 28-го утром не мог уже выходить из дома, соседи не дали. всю мою семью спрятали — меня, жену, сына. У меня четверо сыновей, трое в армии были тогда. Потом мы услышали, что азербайджанцы идут к ним, в квартиру, стучат, кричат: «Если армяне есть, скажите, покажите, где они». Если не скажете, если вы их прячете, то вас тоже, мол, будем резать. И я подумал: «Зачем ради меня они должны пострадать...» Потом, правда, подъехала милицейская машина, военные армян собирали из домов и отвозили в клуб СК. Мы тоже поехали туда.

СЕРБСКО-АЛБАНСКИЙ КОНФЛИКТ И ВОЙНА В КОСОВО

В качестве кейса в Косово нами было выбрано городское пространство г. Приштины с акцентом на аспекты межэтнического взаимодействия.

В ходе сбора полевого материала по данной проблематике одной из задач был поиск информантов, которые имеют опыт проживания в городе в различные периоды Новой и Новейшей истории Косово, включая войну 1998–1999 г., и при этом являются представителями разных этнических сообществ и социальных классов — это условие было необходимо для достижения нужной аналитической стереоскопии и обеспечения как можно менее ангажированного подхода.

Говоря об этнополитической ситуации в Приштине и в целом в Косово до войны 1998–1999 г., необходимо иметь в виду следующее: до 1989 г. Приштина оставалась типичным югославским городом, несмотря на то, что уже в конце 1960-х гг. появились «первые ласточки» будущей этнической напряженности: 1968 и 1981 г. отметились выступлениями албанской части населения края за предоставление Косово более широкой автономии и, в конце концов, статуса республики в составе СФРЮ (Мартынова 2013: 91–99). Этносоциальная ситуация изменилась в корне после 1986 г., когда был опубликован Меморандум Сербской академии наук и искусств¹⁴ с призывами выдвижения «сербской национальной программы» (Там же: 100). Данный текст, помимо прочего, содержал обвинения косовских албанцев в геноциде сербского народа.

Именно эти даты — 1968, 1974 (принятие новой конституции СФРЮ) и 1981 — отмечают сербы в качестве начальной точки, с которой началось изменение ситуации в отношениях между албанцами и сербами (в терминологии информантов: *Кад почело је... — Когда началось...*)¹⁵. В свою очередь информанты-албанцы подчеркивают, что окончательно и бесповоротно ситуация изменилась в 1989 г., когда путем референдума политическая автономия Косово была существенно урезана — был распущен краевой парламент, СМИ на албанском языке перестали функционировать в полном объеме, многие албанцы были уволены с ключевых административных постов и из югославской милиции.

Незначительная часть албанцев продолжала сотрудничать с сербскими властями: таких людей в албанском сообществе считали предателями и угрожали физической расправой, вследствие чего многим из них пришлось уехать в Сербию, однако документальными фактами их физического устранения на данный момент мы не располагаем. Для многих албанцев символом коллаборационизма той эпохи является югославский политик албанского происхождения Рахман Морина (1943–1990), который был противником идеи независимого Косово, и, предположительно, именно это стало причиной его внезапной смерти. В тот период по отношению к своим соотечественникам, сотрудничавшим с сербами, в албанском сообществе использовался эвфемизм *shqiptarët e ndershëm*

¹⁴ Перевод текста на английский язык см.: www.trepca.net/english/2006/serbian_memorandum_1986/serbia_memorandum_1986.html (дата обращения: 12.04.2019).

¹⁵ О темпоральных категориях в дискурсе беженцев из Косово подр. см. в (Гирковић 2012: 81–112).

(досл. ‘честные / уважаемые албанцы’), что является калькой с сербского *поштовани Албанци*, поскольку именно так их называли в сербском дискурсе.

В 1990–1993 гг. этническая поляризация в Косово достигла своего апогея — параллельные структуры (прежде всего в сфере политики, образования и здравоохранения), созданные албанцами, начали функционировать в полном объеме (подробнее см. в: Kostovicova 2005: 97–120; Мартынова 2013: 99–105).

В этой ситуации поражает прежде всего то, что вопреки ужесточившемуся контролю со стороны официальных властей албанцам удалось создать действенную схему, которая около десяти лет удовлетворяла базовые потребности (в трудоустройстве, образовании, здравоохранении) довольно большого сообщества. Северные районы города (*Kodra e Trimave, Medresja, Vneshta*, частично *Velania*) стали надежным оплотом для создаваемых параллельных структур: с 1991 г. за высокими стенами частных домов стали появляться первые детские сады, школы и медицинские кабинеты (их в народе стали называть *пунктами «Мать Тереза»*, алб. *pikat «Nënë Tereza»*); был создан университет — занятия проводились в чайных, за закрытыми дверями (Kostovicova 2005: 108–112). Поначалу вся система работала на безвозмездной основе, но уже с 1992 г. она начала предоставлять оплачиваемые рабочие места (деньги шли в основном от трудовых мигрантов-албанцев, работавших в Европе — с них собирались налоги в размере 3%), а уже в мае 1992 г. албанцы Косово провели независимые президентские и парламентские выборы. Таким образом, большое количество косовских албанцев, ранее трудоустроенных на государственных постах и потерявших работу после 1989 г., получили возможность работать в параллельных структурах.

Действительно, город в буквальном смысле жил параллельными жизнями, однако во многих случаях это противостояние между сербами и албанцами затрагивало сферу публичных политических, социальных и экономических контактов, особенно когда дело касалось взаимодействия на официальном уровне. На уровне микросоциума ситуация была несколько иной — сами информанты говорят, что взаимная поддержка была необходима для выживания во время открытых этнических столкновений и последующей войны.

Фиксируя рассказы, описывающие судьбы и переживания людей в условиях этнической напряженности, вылившейся в вооруженный конфликт, мы, признаться, не ожидали услышать иной точки зрения, кроме привычной, когда сербы и албанцы обвиняют друг друга в произошедшей в Косово гуманитарной катастрофе. Однако, как ни странно, более взвешенные и, если можно так выразиться, «трезвые» рассуждения о «правых и виноватых» были записаны от коренных жителей Приштины, как албанцев, так и сербов.

Старожилы Приштины (алб. *prishtinali*, серб. *Приштевац*) представляют социальную группу горожан с особой идентичностью, в основе которой находится прямое самоотнесение к османской культурной традиции и владение турецким языком (для людей, родившихся в 1920–1940-е гг.) или рефлексия на эту тему (для тех, кто родился после Второй мировой войны довольно характерно языковое поведение, которое описывается фразой «Я по-турецки не говорю, но мои родители язык знали»).

Одна из информантов (албанка, 1942 г. р., род. в Приштине) сообщила, что в их квартале (не говоря уже про ее семью) в центре города все говорили по-турецки, к тому же она с детства усвоила и сербский язык, поскольку по соседству с ними жило несколько сербских семей; албанский язык она начала учить только в школе. Информант-серб подтвердил, что во времена молодости его отца (1930–1950-е гг.) в городе говорили только по-турецки и по-сербски, албанский был нужен исключительно для общения с крестьянами из окрестных сел, торговавшими на городском базаре.

Полевые наблюдения 2013–2017 г. показывают, что разговорный турецкий язык в значительно лучшей степени сохраняется среди албанского городского населения Приштины; зафиксированы случаи, когда люди 40–50 лет, считающие себя албанцами, знают основы или могут свободно общаться (в основном со своими старшими родственниками) по-турецки. Среди коренного сербского населения (которое массово было вынуждено покинуть город в 1999 г.) фиксируется практически полная утрата турецкого языка. Очевидно, причиной этому служит постепенное снижение интенсивности коммуникации на турецком (после того, как территория Косово была присоединена к Королевству Сербия и далее входила в ряд новых политических образований) и резкое сокращение туркоязычного населения после 1953 г. Сохранение турецкого языка албанцами объясняется также конфессиональным фактором. Напомним, что под «турками» в городах Османской империи мы должны понимать коренных горожан мусульманского вероисповедания, для которых турецкий язык обладал высоким социальным статусом и престижем, а связь с османской культурной традицией была неотъемлемой частью идентичности безотносительно этнического происхождения.

В условиях столь этнически и лингвистически пестрой повседневности неудивительно, что горожане Приштины, веками привыкшие жить бок о бок друг с другом — турецкими, албанскими, сербскими и еврейскими торговцами и ремесленниками — обладали намного большим порогом этнической, конфессиональной и культурной толерантности, чем более поздние переселенцы в города из руральных — по преимуществу гомогенных в этническом отношении — районов.

Почти в каждом интервью звучат истории о том, как соседи укрывали друг друга во время патрулирования города сербскими или албанскими

вооруженными группами боевиков. Во время войны 1998–1999 г. соседи делились пищей, водой и свечами, а также позволяли использовать городские телефоны, чтобы позвонить своим родственникам в другие города Югославии и даже за границу. Часто требовалось также присмотреть за детьми или имуществом, если нужно было совершить поход по городу или краткую поездку. «Классическим» и частым из уст сербов является сюжет о том, как сосед-албанец водрузил красно-черный албанский флаг с двуглавым орлом на дом своего соседа-серба, когда тот был вынужден покинуть город, для того, чтобы бойцы УЧК (алб. *UÇK*, рус. АОК, Армия освобождения Косово) не спалили сербский дом.

Мы жили в городе Косово-Поле [сателлит Приштины, расположен в 8 км — *Д. Е.*], когда началась война, нам пришлось уехать — решили ехать к родственникам в Нови-Сад. Сосед Агим пообещал отцу присматривать за домом. Они часто созванивались. Агим сказал отцу, что нарисовал на воротах нашего гаража двуглавого орла, чтобы боевики УЧК не разорили наш дом. Когда они вошли в город, начали жечь сербские дома, наш сначала не тронули, но потом другой сосед, тоже албанец, рассказал, в чем дело — и наш дом закидали покрышками и сожгли... (*Е. Ч.*, жен., серб., 1979 г. р., род. в г. Косово-Поле, в 1998 г. переехала в Нови-Сад, записано в г. Грачаница, май 2015 г.).

В начале 1999 г., когда сербы были вынуждены массово покидать Приштину, соседи-албанцы делали все возможное для того, чтобы сделать их переселение в Сербию менее драматичным, насколько это было возможно в тех условиях. Часты рассказы о том, как во время войны в Косово соседи-албанцы и сербы укрывали друг друга в собственных домах от вооруженных отрядов, патрулировавших город. С началом бомбардировок НАТО в марте 1999 г. албанцы также стали покидать Приштину. Вот как об этом вспоминает информант-албанец:

О том, что будут бомбардировки, нам сказал наш сосед-серб. Просто пришел и сказал: «Будет еще хуже, уезжайте, берегите себя». Бомбардировки начались в марте. Все это время мы с соседями навещали друг друга, сербы приносили нам пищу и свечи, поскольку электричества не было... В конце концов в мае мы с семьей решили уехать из Приштины. 3 мая 1999 г. мы уехали из города. Мы ехали на поезде, из Приштины в Куманово [Македония. — *Д. Е.*]. В городе Косово-Поле, где находится железнодорожная станция Приштины, нам помогали пожилые женщины-сербки, они приносили нам воду и пищу. Никогда этого не забуду (*Ф. Б.*, муж., алб., 1972 г. р., в Приштине живет с 1975 г., зап. в г. Приштина, май 2015 г.).

Зачастую албанцы старались выкупить дом своего соседа, переезжавшего в Сербию, предлагая довольно существенные деньги, дабы не допустить того, чтобы дом купил приезжий из сельской местности

албанец. Однако даже и тогда, когда свою недвижимость сербы продавали не соседям, а албанцам «со стороны», это были относительно справедливые (в условиях острого вооруженного конфликта) сделки. Так, например, информант-серб Н. Й. (1950 г. р., род. в Приштине) в 1999 г. продал свой трехэтажный дом (350 кв. м.) за 200 тыс. немецких марок; вырученных денег ему хватило на две квартиры: в белградском районе Земун (66 кв. м.), где ныне живет его старшая дочь, и в г. Ниш (60 кв. м.) — где живет наш информант с супругой и младшим сыном, среднему впоследствии была куплена отдельная квартира в Нише. К слову, албанец (родом из области Ополе), купивший дом у моего информанта, так и не смог выстроить добрососедские отношения с соседями-албанцами — в итоге они даже не общались друг с другом; как резюмировал информант: «Потому что у них был конфликт культур».

Истории о том, как сербы, продав недвижимость в Приштине (или других населенных пунктах), покупали квартиры в Сербии, приходится фиксировать регулярно. Безусловно, в случае обладания лишь служебными квартирами в Приштине, дело было куда печальней — в них после 1999 г. вселялись албанские семьи, и ни о какой компенсации не было и речи.

До войны в Косово, когда этническая ситуация в городе резко изменилась, соседское сообщество *комишлук* (локальный вариант в Косово *койшилук*, алб. *komshillëk*, серб., хорв., босн., черн. *komšiluk*; от тур. *komşuluk*; локальный вариант *kojshillëk / kojšiluk*) оставалось базовой единицей социального и пространственного взаимодействия людей, зачастую исповедовавших различные религии (ислам, православие, католицизм, иудаизм — до 1940-х гг. в Приштине существовала еврейская община) и имевших в качестве родного разные языки (албанский, сербский, турецкий и др.). Мои информанты — сербы и албанцы — вспоминают, как вместе отмечали религиозные и светские праздники, приглашали друг друга на свадьбы, похороны, проводы в армию. *Комишлук* был действенным источником моральной и финансовой поддержки и в повседневной жизни, и в случае более серьезных неприятностей и бед — смерти кого-то из членов сообщества, неудач в трудовых делах и т. д.

Естественным образом бытовой полилингвизм был одной из характеристик приштинского *комишлука*, что одновременно объясняется как устоявшейся культурной традицией балканского города, так и образовательной политикой Югославии. В 1960–1980-е гг. большинство сербов, особенно из числа тех, кто жил в этнически смешанных кварталах, знали албанский язык на разговорном уровне. Некоторые из моих информантов-сербов говорят, что им нравилось изучать албанский язык в школе и общаться со своими сверстниками-албанцами на нем. Безусловно, для албанцев изучение сербохорватского языка было первоочередной задачей для продвижения по социальной лестнице. Однако необходимо

отметить, что смешанных браков между сербами и албанцами было крайне мало (Мартынова 2013: 97).

Чувство принадлежности к касте горожан, напрямую связанное с османским прошлым города и культурой сосуществования в соседских сообществах, определяло модели и стратегии позитивного межэтнического взаимодействия в Приштине как в социалистический период истории края и страны, так и впоследствии — в процессе дезинтеграции СФРЮ и во время вооруженного конфликта в Косово.

Как было сказано выше, именно старожилы Приштины, населявшие городские кварталы, обладали более высоким порогом толерантности по отношению к представителям иных конфессиональных и этнических сообществ, что объясняется опытом проживания и сосуществования с ними в пределах соседского сообщества. Очевидно, что для данной группы культурная граница, разделявшая *своих* и *чужих*, не совпадала с этническими и конфессиональными границами — основной была идентичность горожанина, что влекло за собой сохранение устойчивой неприязни к выходцам из сельской местности.

Инф.: Мы, старые горожане Приштины, люди с культурой.

Соб.: Что значит — «с культурой»?

Инф.: Ну, допустим, смотри, если кто-то мне скажет, что мой ребенок сделал что-то нехорошее и виновен, я его накажу, а эти — у которых нет культуры — если я скажу им, что их ребенок виновен, они не накажут его, они скорее разобьют мое окно этой же ночью... (Р. И., муж., турок, родился в 1937 г. в г. Приштина, зап. в г. Приштина, май 2015 г.).

Как видно из этого фрагмента интервью, концепт «культура» функционирует в качестве основной границы между двумя группами — старыми горожанами, с одной стороны, и недавно приехавшими в Приштину из сельской местности — с другой. Иными словами, мы имеем дело с классической для антропологии оппозицией «своего» сообщества группе чужаков. Несмотря на ощутимые различия в языке и вероисповедании, городские жители Приштины, проживавшие в соседских кварталах, осознавали себя членами определенной касты, носителями норм поведения и хранителями жизненных укладов, в противовес людям, не имевшим опыта проживания в городе, даже если эти люди говорили с ними на одних и тех же языках и отождествляли себя с той же конфессией.

Отношение к переехавшим из сельской местности людям со стороны местных жителей было крайне пренебрежительным: об этом говорят данные, полученные мною от представителей обеих групп. В частности фиксируются устойчивые уничижительные термины для обозначения приезжих как в албанском (*malok*, *katunar*, досл. ‘горец, деревенщина’), так и сербском (*сељак*, *дивљак*, досл. ‘деревенщина, дикарь’) языках.

Первая существенная волна миграции из окрестных сел в Приштину в 1960–1970-е гг. была связана, во-первых, со значительными темпами индустриализации в послевоенном Косово и открытием университета в 1969 г. (Lleshi 1977: 293–294), а во-вторых, с тем, что начиная с 1953 г. старое мусульманское туркоязычное население было вынуждено покидать Приштину. По словам информантов, северные кварталы города (*Kodra e Trimave, Vneshta, Medresja, Velania*), состоящие из хаотично и полулегально построенных домов новых горожан, располагаются на месте бывших полей и виноградников «турок».

Вот как об этом рассказывает информантка — сербка, родившаяся и прожившая всю жизнь в Приштине:

Образ жизни и ценности жителей Приштины, Призрена и Гниляне похожи. У них одни и те же обычаи, одинаковые обряды. В их основе — турецкая культура. Я люблю турецкие песни... Мы готовим ту же еду, что и в Турции. <...> На селе не так. Культура сербов, живущих в селах, отличается от культуры горожан. Все отличается, огромная разница — одежда, еда, обычаи. <...> После войны сербы, живущие в селах, стали учиться — многие приезжали в Приштину, заканчивали школу или гимназию, высшее образование получали в Белграде. Но разница между ними и нами — горожанами — сохранялась. Тяжело общались между собой, никто не хотел выходить замуж за «деревенщину», редко кто это делал. Общались с ними с каким-то пренебрежением... Я очень не любила людей из села. Они приезжали в город и приносили свои обычаи. Мой брат до сих пор их называет только «деревенщиной»... (Г. Р., жен., сербка, род. в 1945 г. в Приштине, зап. в г. Ниш, сентябрь 2014 г., пер. с сербского — Д. Е.).

Несмотря на пренебрежительное отношение к переселенцам со стороны старожилов, можно утверждать, что длительное существование в подобных («диких») — как называют их сами информанты) кварталах, населенных выходцами из сельской местности, также учило их обитателей выстраивать добрососедские отношения с «иными», особенно в смешанных сообществах, а в этнически гомогенных кварталах ситуация, вероятно, отличалась. Приобретение навыков выстраивания и поддержания отношений внутри формируемого соседского сообщества (*комишлука*) должно быть связано, с одной стороны, с влиянием феномена города как такового, а с другой — с политикой мультикультурализма СФРЮ, символом которой стал знаменитый лозунг «Братство и единство». Вот как описывает свое детство в «диком» квартале мой информант Ф. Б.:

Наш квартал был одним из тех, который сейчас называют «диким» — построенным полулегально и без особых коммуникаций. В соседях у нас были сербы, албанцы, ашкали [этническая группа балканских цыган-мусульман. — Д. Е.] — все были очень бедны, но мы играли в футбол прямо на улице или ходили в парк Таук-Бахче играть против

других кварталов. Моими лучшими друзьями были сербы Бобан, Ивица и Миленко, албанцы Насэр, Ментор и Илир, ашкали Идриз, Агим, Башким и Насэр. И мы говорили и по-албански, и по-сербски <...> Мы были очень-очень бедными, знаешь, но мы гордились своей страной, скажем, в спорте — настоящее «братство и единство»! Было так хорошо тогда... (Ф. Б., муж., алб., 1972 г.р., в Приштине живет с 1975 г., зап. в г. Приштина, май 2015 г.).

Действительно, с момента открытия университета в Приштине (1969 г.) в город стало приезжать большое количество молодежи со всего края. Информанты, которые учились в университете в 1980-е гг., вспоминают, что невидимая граница проходила между студентами, которые были родом из Приштины, и всеми остальными молодыми людьми, особенно выходцами из сельской местности. Основным маркером «своих» и «чужих» было владение молодежным приштинским арго (в случае албанцев — на албанской языковой основе). Этот тайный язык усваивался в гимназиях и школах, и молодые приштинцы продолжали общаться на нем в университете. Соответственно владение этим коммуникативным кодом, обладавшим высокой степенью престижа, позволяло его носителям выбирать желаемый круг общения. В основе этого «тайного» языка лежит метатеза. Очевидно, что молодежное арго албанцев Приштины является калькой (на албанской языковой основе) так называемого жаргона *шатрвачки*, распространенного в сербохорватском языковом ареале, в основном в крупных городах — Белграде, Загребе, Сараево.

Помимо наличия своего языка, идентичность молодых горожан Приштины характеризовалась большим влиянием югославской массовой культуры. В отличие от студентов, приезжавших в Приштину из других городов и сел и живших в общежитии, молодые горожане помимо кафе могли собираться друг у друга дома (если, конечно, позволяло жилое пространство). Именно тогда сформировалась так называемая комнатная культура (алб. *kultura e dhomave*): если у молодого человека в квартире была отдельная комната, он периодически устраивал там вечеринки, на которых происходили новые знакомства, звучал югославский рок, употреблялся алкоголь и легкие наркотики. Естественно, позволить такой образ жизни могли себе лишь выходцы из обеспеченных семей.

Вторая осязаемая волна миграции по оси «село — город» в Приштину непосредственно связана с войной в Косово (1998–1999 г.), в результате которой практически все неалбанское население покинуло город, а на их место приехали албанцы из сельской местности. Вследствие этого люди, живущие в городе с 1960-х гг., ныне позиционируют себя в качестве горожан («я не приштинец, но горожанин Приштины»), противопоставляя себя перебравшимся в город в 1990–2000-е гг. Вот как об этом говорят информанты:

Трудно представить, что это вообще Приштина. После войны деревенщины-албанцы заняли дома и квартиры старожилов — сербов и албанцев, покинувших город во время войны. Население города увеличилось в три раза. После войны в Приштине поселились люди, которые не понимают и не ценят культуру и искусство (М. Я., жен., албанка, род. в Приштине в 1942 г., зап. там же, сентябрь 2014 г., пер. с албанского — Д. Е.).

Подводя итоги, обозначим основные волны рурализации города, процесса, который отчасти способствовал этнической поляризации городского сообщества в конце 1980-х — начале 1990-х гг.:

— 1940–1950-е гг. — массовый приток сельских жителей в послевоенный период (после выезда значительной части городского населения в Турцию (начиная с 1953 г.) и Сербию). Начинает формироваться культурная и языковая оппозиция «горожанин — выходец из села» внутри городского сообщества (рост численности населения Приштины с 24 до 50 тыс.);

— 1960-е гг. — появление «руральных» кварталов (*Kodra e Trimave, Gallapi, Vneshta*, отчасти *Velania*) на севере Приштины в период активной индустриализации региона;

— 1970-е гг. — приток студенческой молодежи из сельской местности после образования Университета Приштины (1969 г.);

— 1999 г. — н. в. — последняя волна переселения из сельской местности, связанная с оттоком сербского населения во время войны в Косово (до начала войны сербское население Косово составляло около 250 тыс. чел.).

В МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ЧУШКИ И ДЕРЕВЕНЩИНЫ VS. ГОРОДСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Собранные кейсы выявили три категории агентов спасения — соседи, родственники (а также друзья, приятели) и незнакомые люди (последняя все же является самой уникальной категорией).

Погромы, бесчинства и этнические чистки в Азербайджане оставили глубокий след в национальном сознании армян. Эти события неоднократно обсуждались и в публичном дискурсе в Азербайджане, чаще всего в терминах конспирологического мышления («армяне сами устроили себе погромы»). Война в Косово до неузнаваемости меняла социальный и этнокультурный ландшафт в регионе, в результате чего сотни тысяч мирных жителей (как сербов, так и албанцев) были вынуждены спасаться бегством, оставляя дома и имущество в поиске лучшей доли на чужбине. Примерно те же социально-демографические процессы воплотились и во время Карабахского движения (а впоследствии и войны), когда из Баку и Сумгаита уже на раннем предвоенном этапе были изгнаны

(армяне) или вытеснены не только другие этнические меньшинства (евреи, русские), но и городские азербайджанцы.

Описания беспрецедентного насилия чаще всего относятся к категории труднопроговариваемых, травматических нарративов, связанных с «конфликтной», проблемной индивидуальной памятью. Однако свидетельства очевидцев показывают, что имели место и акты гуманности, чаще всего проявленные соседями, которые выбрали трудный и опасный путь сопротивления злой воле разъяренной толпы. В процессе исследования социального и политического контекста, в котором азербайджанцы и албанцы спасали соответственно армян и сербов от опасности, нам удалось вычленить множество факторов и акторов социальной игры. Важнейшими факторами являются культурные смыслы таких понятий, как соседство, городские ландшафты, провинциальность, соревнование за доступы к социальным благам, культура новых горожан. Эти концепты, обретшие формы институционализированных практик, по мере нарастания «эмоционального градуса» погромных настроений и насилия играли все более важную роль и в карабахском, и в косовском конфликтах.

Опираясь на эмпирические данные, авторы попробовали найти ответ на непростой философский вопрос: что мотивирует соседа рисковать своей жизнью и спасти очень близких *других*? Ответ, по нашему мнению, нужно искать в том, что делает человека Человеком, дистанцируя его от животного мира, в котором работает право «сильного», а «слабый» должен исчезнуть. Можно сказать, что многогранный процесс мыслительной работы, которую часто концептуализируют как совесть, мораль, формирует человека в качестве социального и политического агента, который меняет мир вокруг себя.

Как видно из приведенных нарративов, в обоих «полях» агентами дегуманизации *другого* становятся пришлые, неместные люди, которые описываются как культурно чуждые «деревенщины», негородские, деревенские «чурбаны». Наши кейсы показали, что, как в городах, так и в деревнях, многолетние соседи редко выступали в роли акторов жестокого насилия, хотя в Азербайджане они нередко могли включаться в присвоение имущества жертв под предлогом того, что в противном случае его присвоят «плохие» люди, погромщики. В собранных интервью видно, что в больших городах агентами brutального насилия чаще выступали именно так называемые *чушки-районлу* (Азербайджан) и *горцы, деревенщины* (Косово), но гораздо реже непосредственные соседи и знакомые, привыкшие общаться лицом к лицу. В связи с этим для драматической радикализации социального конфликта требовались провинциалы, которые не были связаны обязательствами повседневного соседского общения. Этим знанием смогли ловко манипулировать новые политические лидеры, адепты национализации государства, проводники националистических идей. Иными словами, политическим агентам необходимо

было «перетасовать» цикл насилия так, чтобы приезжие «мочили» жертв по той простой причине, что, согласно нашим кейсам, гораздо труднее убедить многолетних соседей, связанных тысячами нитей позитивной (чаще всего) памяти, участвовать в разбое и нападениях; потому что граница «свой — чужой» за годы многолетнего тесного общения постепенно успела стереться.

Безнаказанность новых горожан в новом национализированном государстве посткоммунистической эры выступает как фактор, как мотив и двигатель насилия. Условно говоря, провинциалы выступают на передний план социального действия в оппозиционной паре с городской интеллектуальной элитой¹⁶, вытеснив ее на обочину новой национальной политической и экономической жизни. Новые социальные реалии и вырвавшиеся из подполья дискурсы создают «благоприятные» условия для немедленного статусно-имущественного лифта, которыми и воспользовались «хранители» исконно «нашего». Причем новые горожане репрезентируют старые мультикультурные элиты в качестве утративших национальную культуру, растворившихся в иных культурах и языках носителей гибридных идентичностей, «безродных космополитов», в то время как для последних (граждан социалистических мегаполисов) феномен *чушки-горцы* выходит далеко за рамки узкоэтнических границ. Вопрос гражданской включенности городского пространства (как демократического по определению) остается открытым и приглашает к дальнейшему аналитическому исследованию.

Раздел «Сербско-албанский конфликт и война в Косово» выполнен Д. С. Ермолиным за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-00067 «Трансформации социокультурного ландшафта городов Косово: предпосылки и последствия».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полевые материалы авторов.

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.

Ахапкина Я. Э. Провинция, периферия — проблема номинации // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С. 6–12.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.

Зејнели З. Косовска свакодневница. Ниш, 1995.

Капустина Е. Л. Сельские этюды к городскому пейзажу: трансформация городского пространства в контексте миграционных процессов в Дагестане и судьба сельских земель в Махачкале начала XXI века // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С. 111–175.

Мартынова М. Ю. Этнический фактор в судьбе Косово // Косово: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2013. С. 82–135.

Мосесова И., Овнанян А. Вандализм в Баку. Ереван, 1991.

¹⁶ Ср. с наблюдениями Е. Л. Капустиной в Махачкале (Капустина 2013: 125–133).

Самооборона армян Кировобادا в 1988–1989 гг. глазами очевидцев / сост. Г. Оганезов, Г. Харатанян. Ереван, 2014.

Сумгаитская трагедия в свидетельствах очевидцев. Книга первая / сост. и отв. ред. С. Шахмурадян. Ереван, 1989.

Шахназарян Н. Мальчики-мажоры карабахской войны: жизненные истории военной молодежи // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies (PIPSS) Open Edition. Электронный журнал. 2008. URL: <https://journals.openedition.org/pipss/1743> (дата обращения: 13.04.2019).

Шахназарян Н. Спасение как аналитическая категория: праведные альтруисты или расчетливые дилеры? // Аналитикон. 2015 (Апрель). URL: <http://theanalyticon.com/?p=6210&lang=ru> (дата обращения: 12.04.2019).

Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умастить, отблагодарить»: дискурсы об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах // Laboratorium. 2010. Т. 2, № 1. С. 50–72.

Шницерльман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

Ђирковић С. Стереотип времена у дискурсу расељених лица са Косова и Метохије. Београд, 2012.

Astvatsaturian Turcotte A. Nowhere. A Story of Exile. Hybooksonline.com. 2012.

Bataković D. Twentieth-Century Kosovo-Metohija: Migrations, Nationalism, and Communism // Journal of North American Society for Serbian Studies. 1999. № 13 (2). P. 1–23.

Behrends J. C. War, violence, and the military during late socialism and transition. Five case studies on the USSR, Russia, and Yugoslavia // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43, № 5. P. 667–681.

Cabanel P. Protestant Minorities, Judeo-Protestant Affinities and Rescue of the Jews in the 1940s // Resisting Genocide: The Multiple Forms of Rescue. London: Hurst, 2010. P. 433–445.

Göçek F. M. In Search of “The Righteous People” // Resisting Genocide: The Multiple Forms of Rescue. London, 2010. P. 33–50.

Horowitz D. L. The Deadly Ethnic Riot. Berkeley, 2001.

Hovannisian R. G. Intervention and Shades of Altruism During the Armenian Genocide // The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics. New York, 1992. P. 173–207.

Kaestli E. Hendeqe dhe Ura. Miqësitë në Ballkan para dhe pas luftërave. 16 portrete. Prishtinë, 2005.

Mann M. The Dark Sides of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge, 2005.

Marutyan H. The Issue of the Rescue of Armenians by Ottoman Subjects during the Armenian Genocide // Journal of the Society for Armenian Studies. 2017. Vol. 26. P. 39–61.

Kostovicova D. Kosovo: The Politics of Identity and Space. London; New York, 2005.

Naimark N. M. Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge, 2001.

Oliner S., Oliner P. The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe. New York, 1988.

Shahnazarian N. Breaking the Nation’s Taboo. The *Meds Yeghern* and Turkish Intellectuals // PONARS Eurasia Policy Memo. 2009. № 86. P. 1–5.

Shahnazarian N., Ziemer U. Young Soldiers' Tales of War in Nagorno-Karabakh // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. Issue 9: Many Faces of the Caucasus. P. 1667–1683.

Suthana N., Fried I. Percepts to Recollections: Insights from Single Neuron Recordings in the Human Brain // *Trends in Cognitive Sciences*. 2012. № 16. Vol. 8. P. 427–436.

Ternon Y. The Impossible Rescue of the Armenians of Mardin // *Resisting Genocide: The Multiple Forms of Rescue*. London, 2010. P. 383–394.

The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics / ed. by R. G. Hovannisian. *New York*, 1992.

Yugoslavia and Its Historians: Understanding the Balkan Wars of the 1990s / ed. by N. M. Naimark, H. Case. *Stanford*, 2003.

NEIGHBORSHIP AND RESCUE STORIES IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE: THE CONFLICTS IN KOSOVO AND KARABAGH

ABSTRACT. The study belongs to the academic genre of *anthropology of neighborhood and everyday life* and provides a retrospective analysis of complex paths of neighbors' relations in one of the former Soviet republics (Azerbaijan) and an autonomous region of the former Yugoslavia (Kosovo). The authors look into such social phenomena as rhetor forms, representations of recognition and non-recognition, friendship and hatred in the neighbors' relations in the face of ethnic cleansing and pogroms, their behavior and motivation of rescue agents. The descriptions of unparalleled violence can most often be qualified as difficult-to-talk-about traumatic narratives related to the "conflict", problematic individual memory. However, eyewitness accounts demonstrate that humane acts also took place, in most cases by neighbors who chose the difficult path of opposing the ill will of the vengeful crowd. Studying the social and political context in which Azerbaijanis and Albanians shielded Armenians and Serbs from danger, we articulated many factors and actors of the social game. The major factors are the cultural meanings of such notions as neighborhood, urban landscapes, provinciality, competition for the access to social benefits and the new-rich culture. These concepts, which took the form of institutionalized practices, with the increase of the emotional tension of pogrom trends and violence, played more and more significant roles in both Karabagh and Kosovo conflicts.

KEY WORDS: Azerbaijan, USSR, Kosovo, Yugoslavia, ethnic conflict, neighborhood, escape

Nona R. SHAKHNAZARYAN — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Armenia, Yerevan); Centre for Independent Social Research (Russia, St. Petersburg)
E-mail: nonashahnazar@gmail.com

Denis S. ERMOLIN — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)
E-mail: denis.ermolin@gmail.com

REFERENCES

Akhapkina Ya. E. [Province, Periphery — Nomination Problem]. *Provintsiya kak real'nost' i ob'yekt osmysleniya* [Province as a Reality and Object of Reflection]. Tver: Tver State Univ. Publ., 2001, pp. 6–12. (in Russ.).

Arendt H. *Banal'nost' zla. Eykhman v Iyerusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil]. Moscow: Europa Publ., 2008. (in Russ.).

Astvatsaturian Turcotte A. *Nowhere. A Story of Exile*. Hybooksonline.com. 2012. (in English).

Bataković D. Twentieth-Century Kosovo-Metohija: Migrations, Nationalism, and Communism. *Journal of North American Society for Serbian Studies*, 1999, no. 13 (2), pp. 1–23. (in English).

Behrends J. C. War, violence, and the military during late socialism and transition. Five case studies on the USSR, Russia, and Yugoslavia. *Nationalities Papers*, 2015, vol. 43, no. 5, pp. 667–681. (in English).

Cabanel P. Protestant Minorities, Judeo-Protestant Affinities and Rescue of the Jews in the 1940s. *Resisting Genocide: The Multiple Forms of Rescue*. London: Hurst, 2010, pp. 433–445. (in English).

Ćirković S. *Stereotip vremena u diskursu raseljenih lica sa Kosova i Metohije* [Stereotype of Time in the Discourse of Displaced Persons from Kosovo and Metohija]. Belgrade: Balkanološki institut SANU Publ., 2012. (in Serbian).

Durkheim E. *Samoubiystvo: Sotsiologicheskiy etjud* [Suicide: Sociological Etude]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. (in Russ.).

Göçek F. M. In Search of “The Righteous People”. *Resisting Genocide: The Multiple Forms of Rescue*. London: Hurst, 2010, pp. 33–50. (in English).

Horowitz D. L. *The Deadly Ethnic Riot*. Berkeley: Univ. of California Press, 2001. (in English).

Hovannisian R. G. Intervention and Shades of Altruism during the Armenian Genocide. *The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics*. New York: Palgrave Macmillan Press, 1992, pp. 173–207. (in English).

Hovannisian R. G. (ed.) *The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics*. New York: Palgrave Macmillan Press, 1992. (in English).

Kaestli E. *Hendeqe dhe Ura. Miqësitë në Ballkan para dhe pas luftërave. 16 portrete* [Ditches and Bridge. Friendships in the Balkans before and after the Wars. 16 portraits]. Pristine: Qendra për Hulumtime dhe Politikë Gjinore Publ., 2005. (in Albanian).

Kapustina E. L. [Rural Etudes to the Urban Landscape: the Transformation of Urban Space in the Context of Migration in Dagestan and the Fate of Rural Communities in Makhachkala, the Beginning of the 21st century]. *Kavkazskiy gorod: potentsial etnokul'turnykh svyazey v urbanisticheskoy srede* [Caucasian City: the Potential of Ethnocultural Relations in the Urban Environment]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnology of the RAS, 2013, pp. 111–175. (in Russ.).

Kostovicova D. *Kosovo: The Politics of Identity and Space*. London, New York: Routledge, 2005. (in English).

Mann M. *The Dark Sides of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. (in English).

Martynova M. Yu. [Ethnic Factor in the Fate of Kosovo]. *Kosovo: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Kosovo: Past, Present, Future]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2013, pp. 82–135. (in Russ.).

Marutyan H. The Issue of the Rescue of Armenians by Ottoman Subjects during the Armenian Genocide. *Journal of the Society for Armenian Studies*, 2017, vol. 26, pp. 39–61. (in English).

Mosesova I., Ovnanyan A. *Vandalizm v Baku* [Vandalism in Baku]. Yerevan: Gitelik Publ., 1991. (in Russ.).

Naimark N. M. *Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2001. (in English).

Naimark N. M., Case H. (eds.) *Yugoslavia and Its Historians: Understanding the Balkan Wars of the 1990s*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2003. (in English).

Oganezov G., Kharatanyan G. (comp.) *Samooborona arмян Kirovobada v 1988–1989 gg. glazami ochevidtsev* [Self-Defense of the Armenians of Kirovobad in 1988–1989 Eyewitness Eyes]. Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia Publ., 2014. (in Russ.).

Oliner S., Oliner P. *The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe*. New York: The Free Press, 1988. (in English).

Shahnazarian N. Breaking the Nation's Taboo. The Meds Yeghern and Turkish Intellectuals. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 2009, no. 86, pp. 1–5. (in English).

Shahnazarian N., Ziemer U. Young Soldiers' Tales of War in Nagorno-Karabakh. *Europe-Asia Studies*, 2012, vol. 64, iss. 9: Many Faces of the Caucasus, pp. 1667–1683. (in English).

Shakhmuradyan S. (ed.) *Sumgait'skaya tragediya v svidetel'stvakh ochevidtsev. Kniga pervaya* [Sumgait Tragedy in Eyewitness Accounts. Book 1]. Yerevan: Armyanskiy fond kul'tury Publ., 1989. (in Russ.).

Shakhnazaryan N. [Child soldiers of the Karabakh War: Life Stories of a Militarised "Youth"]. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies (PIPSS)*, 2008. Available at: <https://journals.openedition.org/pipss/1743> (accessed: 13.04.2019). (in Russ.).

Shakhnazaryan N. [Salvation as an Analytical Category: Righteous Altruists or Calculating Dealers?]. *Analitikon* [Analyticon], 2015 (April). Available at: <http://theanalyticon.com/?p=6210&lang=ru> (accessed: 12.04.2019). (in Russ.).

Shakhnazaryan N., Shakhnazaryan R. ["Show Me Respect". Discourses about the Parallel Economy, Kinship, and Corruption in Caucasian Communities]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2010, vol. 2, no. 1, pp. 50–72. (in Russ.).

Shnirel'man V. A. *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'ye* [Wars of Memory: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga Publ., 2003. (in Russ.).

Suthana N., Fried I. Percepts to Recollections: Insights from Single Neuron Recordings in the Human Brain. *Trends in Cognitive Sciences*, 2012, no. 16, vol. 8, pp. 427–436. (in English).

Ternon Y. The Impossible Rescue of the Armenians of Mardin. *Resisting Genocide: The Multiple Forms of Rescue*. London: Hurst, 2010, pp. 383–394. (in English).

Zejneli Z. *Kosovska svakodnevnica* [Kosovo Everyday Life]. Niš: Prosveta Publ., 1995. (in Serbian).